

«СЫН БОЖЕСТВЕННОГО КОНСТАНТИНА»: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНЦИЯ

И.А. Миролубов

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
peter-herzog@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена культу императора Константина Великого (306–337) в правление его сыновей, в частности – Констанция II, дольше своих братьев пребывавшего у власти (337–361). Унаследовав императорские титулы в достаточно молодом возрасте, сыновья Константина опирались на образ отца для идейного обеспечения легитимности своей власти. Для тиражирования культа обожествленного сразу после смерти Константина Великого молодые императоры задействовали такой мощный инструмент, как монеты: серия монетных чеканок в разных городах империи прославляет Константина в критические для династии моменты. Сыновья, таким образом, позиционировали себя как достойные продолжатели отцовских начинаний. Для Констанция, столкнувшегося с целым рядом проблем во внутренней (появление узурпаторов Магненция, Ветраниона, Сильвана, гибель его братьев – Константина мл. и Константа) и внешней (оборона Рейнского рубежа и война с Персией) политике, образ отца приобрел глубоко сакральное значение. Нарративная традиция (в лице Аммиана Марцеллина, современника эпохи, и позднего автора Петра Патрикия) указывает на то, что Констанций в своих решениях обращался к экстатическому опыту в виде сновидений, во время которых он якобы получал советы от покойного отца. Такая деталь любопытно характеризует не только идеологию императорской власти в указанный период Римской истории, но самого императора Констанция, персону и время правления которого привлекало мало внимания исследователей. В качестве источниковой базы для своего исследования автор статьи привлекает как нарративную традицию, так и данные нумизматики.

Ключевые слова: Римская империя, доминат, идеология императорской власти, Константин Великий, династия Константина, император Констанций II

Личность императора Констанция II, несмотря на длительный период его пребывания у власти (324/337¹–361), пользуется сравнительно скромным вниманием исследователей. Виной тому может быть соседство двух мощных фигур римской истории, а именно его отца – Константина Великого, и кузена – Юлиана²

Миролубов Иван Андреевич – аспирант кафедры Истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Младшим соправителем отца Констанций стал 8 ноября 324 г., а титул августа принял (вместе с братьями) 9 сентября 337 г. Kienast 2004, 314.

² Пример такой «промежуточности»: Машкин 2006, 603.

(прозванного «Отступником»). Властный монарх³ Константин, добивавшийся единовластия восемнадцать лет, т.е. большую часть своего правления⁴, привел к власти своих родственников, основав тем самым династию, которая правила государством 26 лет (337–363). Династизм, основанный на кровном родстве, не был обыденным явлением для римской политической жизни; тем большей редкостью были порфирородные императоры: этому статусу до сыновей Константина соответствовал лишь Коммод⁵, сын Марка Аврелия. Очевидно, что это должно было накладывать определенный отпечаток на сознание⁶ и стиль правления сыновей Константина.

Полноправным преемником Константина был его сын Констанций. Именно он после смерти двух своих братьев (Константина Мл. и Константа) стяжал единовластие; интересно, что у позднего автора, Созомена, Констанций назван «любимым сыном» своего отца (Soz. Hist. Eccl. II. 5). Это сообщение, в силу своего позднего и единичного характера, не дает нам возможности понять отношение Константина к сыну. Сложно сказать, насколько император выделял именно его. Каково же было отношение Констанция к своему отцу и его памяти? И каково влияние этого отношения на Констанция, как государственного деятеля? На решении этих вопросов мы и сосредоточимся в настоящем исследовании.

Константин Великий умер 22 мая 337 г.⁷, не назначив из числа своих преемников, носивших титул цезарей (младшего соправителя), августа (старшего императора)⁸; эта неопределенность привела к политическому кризису. Современник событий, Евсевий, отмечает, что солдаты решили «не признавать римскими императорами никого другого кроме как его (Константина – И.М.) сыновей» (Euseb. Vita Const. IV. 68). Причина такой фанатичной преданности солдат не совсем понятна, особенно в свете того обстоятельства, что младшему сыну, Константу, едва было то ли 17, то ли, что вернее, 14 лет⁹. Никакими особыми личными заслугами (если не считать некоторое участие в кампаниях отца¹⁰) сыновья Константина солдат к себе приковать еще не могли, стало быть, их авторитет зиждился лишь на образе отца. Евсевий косвенно подтверждает эту догадку, говоря о всеобщем плаче в среде армии по умершему Константину (Euseb. Vita Const. IV. 68). Зосим, более поздний, однако критичный автор, отмечает, что Констанций подбивал солдат «кричать, что не желают терпеть иных правителей, кроме

³ Удачное определение К. Криста (Крист 1997, 433).

⁴ Сергеев 1938, 667–668; Неронова 1989, 308.

⁵ Tillemont 1691, 474; Гиббон 2008, 207. Гиббон (2008, 188) при этом обращал внимание на упреки в адрес Марка Аврелия, «пожертвовавшего счастьем миллионов людей» ради любви к сыну.

⁶ Как это было в случае с самим Константином. Моммзен 2002, 500; Крист 1997, 410–411.

⁷ Kienast 2004, 301.

⁸ Это было важно в виду отсутствия в Римской империи отработанного механизма наследования власти (Острогорский 2011, 77). Предлагалось считать, что августами должны были стать сыновья Константин-младший и Констанций (Brandt 2007, 153–154; Burgess 2008, 7–8). Однако, так или иначе, Константин не назначил никого. Гиббон (2008, 271) отмечал «монополию» Константина на титул августа.

⁹ Источники говорят, что на момент смерти в 350 г. ему было то ли 30 (т.е. родился в 320 году), то ли 27 (т.е. родился в 323 г.) лет (Kienast 2004, 312). О. Зеек (Seeck 1900a, 948) склонялся ко второй дате, считая, что первая стала причиной округления.

¹⁰ Константин-мл. принимал участие в военных кампаниях своего отца (Seeck 1900b, 1026–1027). Констанций занимался подготовкой похода своего отца против персов (Seeck 1900c, 1044–1045).

как сыновей Константина» (Zos. Hist. Nov. II. 68. 3). Иными словами, к власти приходили не самостоятельные фигуры, не императоры, а сыновья императора. Парадоксальным образом воплотилась неуклюжая идеологема, которую озвучил некогда анонимный оратор, говоря о будущих сыновьях Константина: «Сделай так, чтобы <...> Константин вечно жил на земле!» (Pan. Lat. IX. 26. 4).

Евтропий примерно через тридцать лет после событий взвешенно писал: «Константин заслужил быть причисленным к богам» (Eutrop. Brev. X. 8. 2). Факт апофеоза подтверждает христианин Евсевий: «Его (Константина – И.М.) изображения чеканили на монетах: с одной стороны, изображался сам блаженный с покрытой головой, с другой – [он же], возносящийся на колеснице¹¹, запряженной четверкой лошадей, на небеса, куда его принимала простертая сверху рука» (Euseb. Vita Const. IV.73). Нумизматические данные, содержащие изображение апофеоза Константина¹², сохранились в достаточном количестве, чтобы подтвердить сообщение Евсевия. Монетные выпуски в честь обожествленного Константина (Divus Constantinus) чеканились в 337–340 гг. целым рядом монетных дворов Империи¹³, что, на наш взгляд, еще раз указывает на стремление триумвирата сыновей Константина упрочить свою власть через отсылку к образу отца.

Однако сыновья оказались не столь же успешны. Уже в 340 г. при попытке передела власти погиб Константин-младший; в 350 г. от рук мятежников погиб младший брат, Констант. Оставшийся в живых Констанций большую часть своего правления провел в подавлении реальных смут и мнимых заговоров. Нерешаемой проблемой оставалась и персидская угроза, с которой Констанций, выбравший местом пребывания восток, столкнулся непосредственно. В 340–350-е гг. восточные города начинают вновь чеканить монеты в честь Константина¹⁴: очевидно, это был пропагандистский шаг Констанция. Выше мы уже приводили свидетельство Созомена, назвавшего Констанция любимым сыном своего отца (Soz. Hist. Eccl. II. 5), а также отметили поздний характер этого известия: эпоха Константина не дает никакого свидетельства предпочтения, которое отец мог бы выразить кому-то из трех своих сыновей. В то же время современник эпохи, Аврелий Виктор, отмечает, что Констанций ревностно относился к почитанию отца (cultu genitoris satis pius – Aur. Vict. De caes. 42. 23). В указанный период наступает период тотального иконографического диктата: сам Констанций в точности копирует облик отца с поздних монетных портретов, подчиняя ему также внешний вид членов семьи – вплоть до того, что безбородым изображается даже кузен Констанция, Юлиан¹⁵, предпочитавший носить бороду. Примечателен эпизод возвращения из опалы магистра армии Урсицина: военачальник оказался почтен при дворе в пер-

¹¹ По всей видимости, Евсевий трактует языческую сцену апофеоза в христианском духе. Здесь мы не согласны с Дж. Уильямсом, полагающим, что сцена апофеоза была данью исключительно языческой части общества: Williams 2007, 159. Простирающаяся с небес рука могла быть истолкована христианами как обозначение Бога, принимающего праведника на небеса. Вознесение же на небо в колеснице (явление, широко распространенное в языческой иконографии) могло быть связано христианами с библейским сюжетом о пророке Илии, который был вознесен на небо в огненной колеснице.

¹² RIC VIII, pl. 21, 1; 28, 28.

¹³ RIC VIII, 139, 177, 204, 429, 446, 470, 489, 511, 538.

¹⁴ RIC VIII, 432, 450, 472, 492, 516, 540.

¹⁵ Миролюбов 2016, 84–85

вую очередь как «боевой товарищ Константина Великого» (Amm. Mar. Res Gest. XV. 5. 19). Иными словами, место конкретного человека при дворе связывается с отношением к нему Константина. Таким образом, мы можем говорить о массовом культе Константина в правление его сына.

Еще одна форма почитания Константина, убедительно зафиксированная нарративной традицией, мало обращала на себя внимание. Между тем она наиболее интересна: в критические моменты правления Констанция покойный Константин снова как будто становится живым. Речь идет об общении Констанция с отцом во сне. По крайней мере, два автора сообщают о таких эпизодах. Первый по хронологии эпизод описан более поздним автором, Петром Патрикием¹⁶. Автор этот жил в VI в., однако в данном случае было бы неоправданно отметить его известия исключительно на этом основании. Древняя традиция отмечает его ученость и исследовательскую внимательность¹⁷. Рассмотрим же сам интересующий нас фрагмент.

В 350 г. Констанций принимал посольство от узурпаторов Вераниона и Магненция, последний из которых убил Константа, а ныне предлагал Констанцию раздел власти с сохранением его, Констанция, старшинства. Состав посольства был внушительен: «... посылаются Руфин и Марцеллин, один – префект претория, другой – полководец; также Нунехий, принцепс сената, и с ними Максим». Констанций, обеспокоенный перспективой гражданской войны, не знал, как поступить. Предавшись сну, он увидел следующее: «Словно спускающейся с высоты и державший за руку Константа, убитого Магненцием, отец (Константин Великий – И.М.) показывал его (Константа – И.М.) Констанцию и, казалось, говорил такие слова: “Констанций, вот Констант, многих императоров потомок, мой сын и твой брат, злодейски убитый! Смотри же, чтобы империя не была разделена, чтобы государство не было ниспровергнуто, не бойся угроз! Всякому исходу предпочти славу, которая пребудет с тобой отныне, и не оставь брата неотмщенным!”»¹⁸ (FHG IV, 190). Под влиянием этого сна, как сообщает Петр Патрикий, Констанций велел арестовать послов Магненция (кроме Руфина), после чего перешел к активным боевым действиям.

Обратим внимание, что именование Константа «потомком многих императоров» характерно для династической идеологии эпохи династии Константина¹⁹; дипломатическая активность Магненция, ведшего переговоры также с Ветранионом, зафиксирована Зосимом (Zos. Hist. Nov. II. 44. 1–2). Важно и то, что в числе послов Петр называет Вулькация Руфина²⁰, надежно зафиксированного источни-

¹⁶ Об авторе: Нибур 1860, 280–293; Удальцова 1984, 379–383; Cataudella 2003, 431–441.

¹⁷ Нибур 1860, 285–293.

¹⁸ Наш перевод по изд.: Mullerus 1851.

¹⁹ У сыновей Константина была внушительная родословная. Констанций в одной надписи именуется: «сын божественного Константина, лучшего, величайшего; внук божественных Максимиана и Констанция; правнук божественного Клавдия» (CIL III. 3205 = ILS 732). Аналогичную, правда пресыщенную неточностями, надпись имеем и о Константе: «[сын] божественного Константина, [божественного Констанция и божественного] Валерия Максимиана внук, правнук божественного Клавдия» (CIL II. 4742 = ILS 725).

²⁰ Обратим внимание, что по сообщению Петра именно Руфин не был арестован. Это известие тем примечательнее, что Руфин состоял в родстве с правящим домом: его сестра Галлы была первой супругой Юлия Констанция, брата императора Константина Великого и дяди императора Констанция. Его биография по источникам см.: PLRE 1971, 782–783.

ками представителя политической элиты первой половины IV в. Таким образом, сообщение Петра, как кажется, не является литературным вымыслом, но, по крайней мере, может считать взятым из более раннего источника, содержащего достоверную информацию.

Тем примечательнее то обстоятельство, что сообщение Петра находит подтверждение у Аммиана Марцеллина, одного из важнейших информаторов по истории правления Констанция. Этот автор, современник интересующей нас эпохи, описывает схожий эпизод, правда применительно к более поздним событиям. Согласно этому автору, Констанций, чувствуя приближение конца правления и смерти, однажды увидел следующее: «... еще не до конца погрузившись в сон, он увидел, как тень отца преподнесла ему прекрасного ребенка; он принял его и посадил себе на колени, тот же, вытряхнув у него сферу, которую он держал в правой руке, далеко отбросил ее»²¹ (Amm. Marc. Res Gest. XXI. 14. 1). Сон этот указывал на государственный переворот: императором был провозглашен кузен Констанция и племянник Константина, Юлиан, который был младше Констанция. Констанций же умер от лихорадки 3 ноября 361 г.²²

Общение с умершим отцом, который в первом случае помогает ему принять правильное решение, а во втором предупреждает о неизбежности надвигающегося конца, любопытным образом характеризует Констанция. Еще во времена Константина, склонного к видениям, экстагический опыт стал достаточным основанием для принятия важных решений. Видениями, волей свыше объяснялась жестокость Константина в борьбе с различными оппонентами²³; сам император был экстагической личностью²⁴ и даже величайший проект своего правления – строительство Константинополя – связывал с видениями, в которых ему являлась воля Бога²⁵. Сновидения Констанция, конечно, уступают видениям Константина масштабом: император становится не носителем божественной воли, а выступает наследником и продолжателем своего отца²⁶. Отметим и политический аспект: «авторитетные» сновидения повышают самооценку Констанция и его вес в глазах окружающих²⁷. Мы могли бы приписать подобного рода «сновиденческие» диалоги с отцом пропаганде, однако примечательно, что Константин выступает

²¹ Перевод наш по изд.: Rolfe 1940.

²² Kienast 2004, 316.

²³ Для христианской традиции характерно понимание Константина, как «гонителя гонителей». В этом смысле примечательны слова Орозия, который сообщает об убийстве членов семьи в 326 г.: «... неясны причины того, что император Константин карающий меч и предназначенное нечестивцам возмездие обратил против родственников» (Oros. Hist. adv. pag. VII. 28. 26). Показательно, что даже в таком неправом деле, как убийство родственников, Константин все равно сохраняет особый статус, а его меч – все равно «карающий». Об этом: Ващева 2013, 48; Миролюбов 2016, 67–68.

²⁴ Weber 2000, 274. Самым известным примером может быть видение перед битвой на Мульвийском мосту, которому посвящена обширная литература. Старые исследователи отмечали суеверный страх Константина перед различными сверхъестественными силами (Буркхард 2003, 247–248; Сергеев 1938, 710; Виппер 1996, 50).

²⁵ В законе о привилегиях Константинополя от 1 декабря 334 г. Константин пишет о «городе, который мы одарили вечным именем по велению Бога» (CTh. XIII. 5. 7). Созомен (Soz. Hist. Eccl. II. 3), Филосторгий (Philost. Hist. Eccl. II.9) и Зонара (Zon. Epitome hist. XIII.3) фиксируют экстагический опыт императора при основании Константинополя. Отдельно см.: Буркхард 2003, 337–338; Крист 1997, 450–451.

²⁶ Weber 2000, 299–300.

²⁷ Гиббон 2008, 289.

в этих видениях как носитель и положительной, и негативной информации. Следовательно, мы можем предполагать, что за этими сообщениями стоит какой-то реально пережитый Констанцием сновиденческий опыт.

Нарративная традиция, в большинстве настроенная отрицательно, рисует Констанция мрачным и подозрительным человеком. Этот портрет дополняется двумя приведенными сообщениями: окруженный реальными и мнимыми заговорами, недоверчивый Констанций, при недостатке собственного авторитета, находит возможным опираться на фигуру своего отца, Константина. Последний превращается в своеобразного покровителя. Тем примечательнее это сакральное, хотя и несколько пугающее глубиной своего психологизма, отношение в свете провозглашенной в 310 г. идее бессмертия Константина через своих сыновей, о чем мы говорили выше. Кажется, что Константин Великий прочно усвоил эту довольно неуклюжую идеологему: сыновья получали специфические имена, производные от имени отца (Константин-младший, Констанций, Констант), и воспитывались им самостоятельно²⁸. Прочная связь детей с отцом демонстрировалась и после его смерти, приобретая экзотическую форму общения с его духом.

Последний пример, уникальный в римской истории, являет собой основу для будущего перспективного исследования психологической картины IV в., а также характера собственно императора Констанция, который, как мы уже отмечали, привлекал скромное внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Буркхард, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
- Ващева, И.Ю. 2013: Константин Великий: вариации образов в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского* 4 (3), 46–58.
- Виппер, Р.Ю. 1996: *История средних веков*. Киев.
- Гиббон, Э. 2008: *Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
- Крист, К. 1997: *История времен римских императоров: от Августа до Константина*. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- Машкин, Н.А. 2006: *История Древнего Рима*. М.
- Миролюбов, И.А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории* XIII, 93–94.
- Миролюбов, И.А. 2016: Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия. *ПИФК* 4, 62–70.
- Миролюбов, И.А. 2016: Констанций и Юлиан: Отношения внутри «дома Константина» в свете императорской иконографии. В сб.: А.О. Чубарьян (ред.), *Письмо и повседневность*. Т. 3. М., 84–85.
- Моммзен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб.
- Неронова, В.Д. 1989: Поздняя Римская империя (III–V вв.). В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. 3. *Упадок древних обществ*. М., 295–322.

²⁸ Их мать, Фауста, была убита по распоряжению Константина в 326 году, когда Константину-младше было 10 лет: Kienast 2004, 305. Литература о возможных причинах убийства обширна, хотя внятного объяснения исследователями дано не было: Drijvers 1992, 506. О воспитании сыновей Константина: Гиббон 2008, 270–271; Миролюбов 2016, 93–94.

- Нибур, Б.Г. 1860: О жизни Петра Магистра. В кн.: Г.С. Дестунис (пер.), *Византийские историки: Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец*. СПб, 280–293.
- Острогорский, Г.А. 2011: *История византийского государства*. М.
- Сергеев, В.С. 1938: *Очерки по истории Древнего Рима*. Т. 2. М.
- Удальцова, З.В. 1984: Дипломатия ранней Византии в изображении современников. В кн.: З.В. Удальцова (ред.), *Византийская культура. IV – первая половина VII в. М.*, 371–392.
- Barnes, T.D. 1981: *Eusebius and Constantine*. London.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Brandt, H. 2007: *Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser*. München.
- Burgess, R.W. 2008: The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine. *Dumbarton Oaks Papers* 62, 5–51.
- Cataudella, M.R. 2003: Historiography in the East: Ancient History: Petros Patricius and the Anonymus post Dionem. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity*. Leiden–Boston, 431–441.
- Drijvers, J.W. 1992: Flavia Maxima Fausta: Some Remarks. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 41/4, 500–506.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Mullerus C. (ed.) 1851: Petri Patricii Fragmenta. In: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Parisii, 181–191.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Rolfe, J.C. (ed.). 1940: *Ammianus Marcellinus: History*. Vol. II. London.
- Seeck, O. 1900a: Constans. In: *PWRE* IV/1. Stuttgart, 948–952.
- Seeck, O. 1900b: Constantin II. In: *PWRE* IV/1. Stuttgart, 1026–1028.
- Seeck, O. 1900c: Constantius II. In: *PWRE* IV/1. Stuttgart, 1044–1094.
- Tillemont, L.S. de. 1691: *Histoire des empereurs*. T. II. Paris.
- Weber, G. 2000: *Kaiser, Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike*. Stuttgart.
- Williams, J. 2007: Religion and Roman Coins. In: Rüpke J. (ed.), *A Companion to Roman Religion*. Malden–Oxford–Carlton, 143–163.

REFERENCES

- Barnes, T.D. 1981: *Eusebius and Constantine*. London.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Brandt, H. 2007: *Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser*. München.
- Burckhardt, J. 2003: *Vek Konstantina Velikogo [The Age of Constantine the Great]*. Moscow.
- Burgess, R.W. 2008: The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine. *Dumbarton Oaks Papers* 62, 5–51.
- Cataudella, M.R. 2003: Historiography in the East: Ancient History: Petros Patricius and the Anonymus post Dionem. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity*. Leiden–Boston, 431–441.
- Christ, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov [The History of the Epoch of Roman Emperors]*. Vol. 2. Rostov-on-Don.

- Drijvers, J.W. 1992: Flavia Maxima Fausta: Some Remarks. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 41/4, 500–506.
- Gibbon, E. 2008: Zakat i padenie Rimskoi imperii [*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*]. Vol. I. Moscow.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Mashkin, N.A. 2006: *Istoriya Drevnego Rima [The History of Ancient Rome]*. Moscow.
- Mirolubov, I.A. 2016: Konstantin Velikiy v «Istorii protiv yazychnikov» Pavla Oroziya [Constantine the Great in the “Historia Adversum Paganos” by Paulus Orosius]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 62–70.
- Mirolubov, I.A. 2016: Konstantsiy i Yulian: Otnosheniya vnutri «doma Konstantina» v svete imperatorskoy ikonografii [Constantius and Julian: the House of Constantine in the light of Imperial Iconography]. In: A.O. Chubaryan (ed.), *Pis'mo i povsednevnost' [Script and Everyday Life]*. Vol. 3, 84–85.
- Mirolubov, I.A. 2016: Ob obrazovanii imperatora Konstantina Velikogo [Education of Constantine the Great]. In: *Aristey: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii [Aristeas: Bulletin of Classical Philology and Ancient History]* XIII, 90–95.
- Mommzen, T. 2002: *Istoriya rimskikh imperatorov [The History of Roman Emperors]*. Saint Petersburg.
- Mullerus C. (ed.) 1851: Petri Patricii Fragmenta. In: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Parisiis, 181–191.
- Neronova, V.D. 1989: Pozdnyaya Rimskaya imperiya (III–V vv.) [The Later Roman Empire in the 3rd–5th centuries AD]. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (ed.), *Istoriya drevnego mira [The History of Ancient World]*. Vol. 3. Moscow, 295–322.
- Niebur, B.G. 1860: O zhizni Petra Magistra [The Life of Petrus Magister]. In: G.S. Destunis (transl.). *Vizantiiskie istoriki [Byzantine Historians]*. Saint Petersburg, 280–293.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Ostrogorskiy, G.A. 2011: *Istoriya vizantiiskogo gosudarstva [History of the Byzantine State]*. Moscow.
- Rolfe, J.C. (ed.). 1940: *Ammianus Marcellinus: History*. Vol. II. London.
- Seeck, O. 1900a: Constans. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV/1. Stuttgart, 948–952.
- Seeck, O. 1900b: Constantin II. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV/1. Stuttgart, 1026–1028.
- Seeck, O. 1900c: Constantius II. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* IV/1. Stuttgart, 1044–1094.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki po istorii Drevnego Rima [Essays on the History of Ancient Rome]*. Vol. 2. Moscow.
- Tillemont, L.S. de. 1691: *Histoire des empereurs*. T. II. Paris.
- Tillemont, L.S. de. 1691: *Histoire des empereurs*. T. II. Paris.
- Udal'tsova Z.V. 1984: Diplomat'iya ranney Vizantii v izobrazhenii sovremennikov [Early Byzantine Diplomacy from the Contemporary Accounts]. In: Z.V. Udal'tsova (ed.), *Kul'tura Vizantii. IV – pervaya polovina VII v. [Byzantine Culture. The 4th–7th centuries]*. Moscow, 371–392.
- Vashcheva, I.Yu. 2013: Konstantin Velikiy: variatsii obrazov v khristianskikh istoriyakh pozdney antichnosti [Constantine the Great: Variations of the Character in the Christian Histories of Late Antiquity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]* 4 (3), 46–58.

-
- Vipper, R. Yu. 1996: *Istoriya srednikh vekov [The History of Middle Ages]*. Kiev.
Weber, G. 2000: *Kaiser, Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike*. Stuttgart.
Williams, J. 2007: Religion and Roman Coins. In: Rüpke J. (ed.), *A Companion to Roman Religion*. Malden–Oxford–Carlton, 143–163.

«SON OF DIVINE CONSTANTINE»: THE CONSTANTINE'S THE GREAT CULT
IN THE REIGN OF EMPEROR CONSTANTIUS II

Ivan A. Mirolyubov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
peter-herzog@yandex.ru

Abstract. The present article is devoted to the cult of Constantine the Great (306–337) in the reign of his sons, in particular Constantius II (337–361), whose tenure in power exceeded the duration of his brothers reign. Constantine's sons came to power after their father's sudden death; they were quite young – Constans, the youngest of the brothers, was hardly 17 (or even 14 according another source) years old, – and the Constantine's authority was the only sound of their domination. In accordance with an old (but pagan) tradition Constantine, who was baptized on his deathbed, was deified and became «Divus Constantinus», i.e. public deity of the Roman state pantheon. Veneration of Constantine is documented not only by narrative tradition, but also by numismatic evidences. After Constantine's death, his sons struck new coin issues, which praised Constantine as the father and protector of young emperors.

Constantius II, whom one narrative source calls «the Constantine's beloved son», faced with a number of problems in his domestic and foreign policy – the public consensus and the stability on the borders, maintained by Constantine, began to disintegrate. Both his brothers were killed during the civil wars. The phenomenon of provincial and military usurpation, suppressed by Constantine the Great and his predecessors, emerged newly: this circumstance indicates a decline of authority of the central government and Constantius II in particular. The borders – both Eastern and Northern frontiers – claimed Emperor's attention: Constantius II should repulse attacks by Persians and Germanic tribes. That's why under Constantius II the image of his father, who was remembered as the most successful emperor of the recent years, acquired a profoundly sacred significance. The narrative tradition indicates that Constantius in his decisions resorted to an ecstatic experience in the form of dreams, during which he allegedly received advice from the late Constantine. This detail is interesting to characterize not only the ideology of the imperial power in this period of Roman history, but of the emperor Constantine himself, whose person and time of administration attracted little attention of researchers.

Keywords: Roman Empire, Dominate, imperial ideology, Constantine the Great, the Constantinian dynasty, Constantius II
